

КОМАРОВ (Николай)

коллежский советник, переименованный из
подполковников Квартирм[ейстерской] части

На 29 листах

№ 1

О П И С Ъ

делу о подполковнике Комарове

№	Листы
1. Показание подполковника Комарова 27 декабря 1825 года	с 1 по 14
2. Ответные пункты Комарова	с 14 по 22
3. Выписка о членах общества	с 22 и 23
4. Письмо государю императору Комарова 30 декабря	24 и 25
5. Дополнительная записка Комарова 11 января	26 и 27
6. Письмо к генерал-адъютанту Левашову от Комарова 20 января	на 28-м
7. Справка с означением высочайшей резолюции	29
	29

Надворный советник Ивановский // (л. 1 «в»)

1 Вверху листа помета карандашом: «№ 212».

Во имя господа бога и по внушению чистой совести приступаю к изложению здесь вкратце всего того, что по истине знал и помню относительно введения и распространения общества во 2-й армии — общества под названием «Союза благоденствия».

Первый, водворивший преступный союз сей во 2-й армии в начале 1818 года, — был *Павел Пестель* в год вступления графа Витгенштейна в начальствование 2-ю армию и у которого Пестель был адъютантом.

По всему вероятию, Пестель был один, если не первый, то из первых основателей сего общества в С[анкт]-П[етер]бурге в конце [1]815-го или в начале [1]816 года, и, сколько могу припомнить, гораздо впоследствии уже из слов его же самого, Пестеля, что коренные члены-учредители сего общества были следующие: два брата Муравьевы, князь Шаховской, Якушкин (все бывшего Семеновского полка), князь Трубецкой, Александр Муравьев*, Михаила Муравьев, Никита Муравьев (все Гвардейского штаба), Фон-Визин старший, Бурцов, Гвардейского же штаба, и едва ль не оба брата Колошины также из сего же штаба². Им подле// (л. 1 «в» об.) жит это решить по совести.

Но что несомненно, так это то, что Пестель привез с собой в главную квартиру 2-й армии начальный зародыш, — и вот как приступал он к развитию соблазна на новом поприще для деятельного и проницательного ума своего.

По крайней мере, способ действия убеждений на меня и, вероятно, и на других отдельно в то же время состоял в том:

Внушая, что наш долг есть необходимо стремиться к пользе общей двумя путями: это ускоряя нравственное образование ума и чувствований, чтоб уметь приложить их со временем на общеполезное, к чему надобно приготовлять себя внимательным чтением подобных авторов, как Бекария, Филанжери, Махиавеля, Вольтера, Гельвеция, Цея, Смита и прочих в сем роде, политической экономии и философии, яко бы рассуждающих о возвышенных обязанностях человека-гражданина.

Что без этих понятий и сведений не достигнешь быть полезным ни себе, ни обществу, ни отечеству, что даже скрытная воля монарха стремится усильным образом к развитию подобных идей в российском юношестве и в войсках, // (л. 2) указывая и опираясь различными³ доводами на речь, произнесенную государем в Варшаве к представителям народным, как на сокровенную мысль его⁴ и которую надобно нам самим стараться постигнуть и усовершать до времени тайно, чтоб сделаться достойными к принятию и к разумению приготовляемого нового правительствования; словом, вот почти в чем состоял главный смысл начальных и постепенно вводимых идей к нам, сопровождаемых разными удостоверениями, что известность этой истины не достигла еще до отдаленных краев 2-й армии, коснеющей во мраке, а созревает уже весьма в Петербурге и в других местах в кругу людей образованных высшего класса и звания. Между коими для обоядного сообщения мыслей и понятий своих составились вечерние частые соединения для чтения и суждений⁵ в часы отдохновений от служебных занятий и как лучший способ взаимного друг друга познания и передания сведений⁶, мыслей и откровений общеполезных.

Таким образом понемногу и исподволь начинались вводиться в главной квартире вечера чтения, суждений и разных толков, прежде // (л. 2 об.) едва ль бы многим из нас понятные по названию, а не токмо по сущности своей. Пестель⁷,

* Александр Муравьев, обратившийся после постигшего его несчастья в Москве, когда он был арестован лично покойным государем или вслед после женитьбы своей, в совершенный мистицизм, так что его товарищи не могли впоследствии присообщить к себе.

1 На полях вертикальная помета карандашом: «Докладывано к соображению при допросах».

2 Восемь строк от слов «что коренные члены-учредители...» на полях отчеркнуты карандашом.

3 Слово «различными» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто «и», ошибочно написанное дважды.

5 Против строки со словами «соединения для чтения и суждений» поставлен на полях вопрос.

6 Далее зачеркнуто «и».

7 Фамилия подчеркнута карандашом.

находившись весьма долгое время при графе и умея постоянно притворничать и скрывать от него свой образ мыслей, пользовался давней его доверенностью и уважением от своих товарищай, а по способностям своим скоро начинал получать явный перевес мнениями своими не только в главной квартире, но и в армии. Во время отъездов на смотры войск, сопутствуя графу, имел случай скоро ознакомиться в армии и составить связи потом, имея притом и по занятию своему в составлении отчетов и записок об успехах в полках по фронтовой части влияние значительное на полковых и батальонных командиров; он умел в свою пользу извлекать из всего выгоды для достижения преднамеренной цели в распространении своего образа мыслей. Он сохранил подобное влияние еще некоторое время и по назначении начальником штаба генерала Киселева на место генерала Рудзевича, расположением которого Пестель постоянно пользовался и, следственно, тем еще более умножал вес свой в армии и в штабах, умея соединить расположение двух первых лиц в армии, что весьма содействовало // (л. 3) к успеху его намерений, чтобы утвердить положительно и довольно скоро первородный корень общества¹.

Скоро с назначением генерала Киселева присоединились к Пестелю ревностные сначала сотрудники ему: Бурцов², адъютант нач[альника] штаба и майор Аврамов³, но как они также пользовались расположением своего начальника генерала Киселева, желавшего и скоро успевшего отобрать смотровую часть и другие отрасли по управлению в штабе от Пестеля в свою зависимость, то от сего столкновения самолюбий на один и тот же предмет, яко более прочих дающий вес в армии, произошли несогласия между Пестелем³ и Бурзовым, и каждый старался действовать отдельно в своих видах, желая усилить всякий свою сторону большим числом приверженцев.

Но Пестель упредил перевес во мнениях в свою пользу, и правила общества, изложенные в так называемой «Зеленої книге» (1-й части) (а о последующих никогда известно мне не было, да едва ли они и составились), распространялись им успешнее других, переходя далеко и за пределы сей книги, ибо в сей первой части, которой один // (л. 3 об.) экземпляр только я видел у Пестеля, сколько я припомнить могу, ничего не было особенно противного долгу честного человека, и смею сказать, исключая токмо скрытности ее от правительства.

В ней неприкосновенна была ни господствующая вера, ни главные обязанности в отношении государя и государства, даже вменялось в долг раскрывать всякого рода злоупотребления властей, равно военных, как и гражданских, и доносить об них, сохранять нравственность в высочайшей степени, не нарушая существующего порядка в правлении⁴, предлагать, однако же, лучшие замечания, а главное, чтоб⁵ распространять кротость обращения в войсках с офицерами и солдатами, крепостными людьми и поселянами, и на образование нравственное, как выше сего объяснял я.

В таком или, может, несколько усиленном виде у некоторых членов вновь поступивших оставались понятия об обществе довольно долгое время во 2-й армии и почти в течение всего [18]19-го и половины⁶ [18]20-го годов. Правило было то, чтоб // (л. 4) принимаемые вновь члены не имели права сами принимать, а только коренные члены сохраняли сие право себе; отчего [о] некоторых и неизвестно, ибо они не извещали всегда о своих приобретениях.

Эпоха, когда начались раскрываться глаза, может, у многих новобранцев, когда показались на сборищах в Тульчине люди высшего разбора, принадлежащие к обществу уже прежде⁷ или вновь поступившие с образом мыслей несравненно более смелым противу прежнего в отношении к суждению о правительстве. В числе коих: генерал-интенданта Юшневского, фон-Визина, поступивший с полком в состав

¹ Семь строк от слов «которого Пестель постоянно пользовался...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Далее стерто вписанное над строкой слово «Аврамовым».

⁴ Слова «в правлении» вписаны над строкой.

⁵ Слово «чтоб» вписано над строкой.

⁶ Слово «половины» вписано над строкой.

⁷ Слово «прежде» вписано над строкой.

2-й армии, Орлов (Михаил Федорович), Охотников, майор 38-го егерского полка, князь Сергея Волконский, Лунин, бывший в Кавалергардском полку и Муравьев Никита¹ (оба сии были проездом из Одессы). Тогда же сделалось известным, что вообще общество приобрело много ревностных членов и по другим местам, а предпочтительно в кругу военном. Вот об ком // (л. 4 об.) дошло до сведения моего, сверх состоящих в Тульчине и кроме вышепоименованных.

В Тульчине

Николай Комаров

Руге²

Николай Филиппович

Квартирмейстерской части

Адъютанты графа Витгенштейна

Князь Барятинский

Ивашев

Крюков

Баранов

Граф Витгенштейн,
что флигель-адъютант

слабо принадлежал всегда

более знал о существов[ании] обще[ства]³, чем
принадлежал к нему, и завлечен Пестелем и
Барятинским для наружности

Юшневский, Пестель, Бурцов, Аврамов, об коих уже сказано, Охотников, Орлов,
Фон-Визин, Волконский.

Полко[вник] Остафьев

— что ныне, кажется, генералом был полковой
командир

Полко[вник] Кальм

— что генер[ал] в 19-й див[изии], был полко[вым]
командиром 28-го егер[ского] полка

Полко[вник] Непенин

— принадлежал поверхности, полко[вой] командир
32-го егер[ского] полка

Майор Раевский

— 32-го егер[ского] полка

Майор Юмин²

— того же полка

Подпол[ковник] Лип-
ранди²

— отставной Квартир[мейстерской] части, жил
в Кишиневе

Полко[вник]

— бывший полковой командир Олонецкого полка,
с выступлением полка скоро из армии он потерян
был из виду общества, потом оставил службу и,
может быть, и общество. Он теперь обер-прокурор.
Пестель должен знать об нем короче // (л. 5)

Краснокутский

— всегда был слабо привержен и едва ли не отстал

Басаргин — адъютант
генерала Киселева

— доктор при главной квартире

Об членах, кои сделались известны по слухам.

Пестель должен знать это:

Полков[ник] Раевский

— бывший адъютант М.Ф.Орлова, отставной,

Полко[вник] Швейковский

Московского полка

Александр Исленьев

— едва принадлежал

Его брат Николай

Исленьев

¹ Фамилии подчеркнуты карандашом; две строки с фамилиями Орлов, Охотников, Волконский, Лунин на полях отмечены двумя крестами.

² Фамилия отмечена крестом карандашом.

³ Слова «о существов[ании] обще[ства]» вписаны над строкой.

Николай Тургенев — служивший при министерстве
Василий Львович Давыдов — отставной гусарского полка
Его брат Александр — не знаю, принадлежал ли
Львович
Стояновский¹, служивший в комиссариате 2-й армии, более известен по ревностному масонству.

Иностранный Фурье¹.

Полковник Глинка — состоявший при графе Милорадовиче.

Калошины, Гвардейского штаба, и, кажется, оба давно отстали, особенно старший, служащий теперь в Министерстве финансов.

Пущин — генерал-майор, что был в² 16-й дивизии.

Пущин — что воспитывался в Лицее.

Грабе, полковник гусарского полка, кажется, отстал совершенно³. // (л. 5 об.)

В это же время почти сделались известными доселе скрываемые от некоторых члены Коренного совета общества (о коих в самом⁴ начале сказано) и вообще уже развитие общества принимало вид более самостоятельный⁵, и заметно более⁶ решимости во мнениях. Но тогда, как оно думало начинать приходить в зрелое и приумножаться, волею провидения угодно было поселять несогласия и раздоры, и тайно влагать в разум некоторых холдность и даже отвращение к нему, ибо оно преступило меру ожидаемости от первоначальных условий и уверений⁷. Даже в Орлове оно становилось иногда заметным; отнести ли это к священным узам супружества⁷, обращавшим взор его иногда в будущность! Я давно начал питать мысль низложения общества, но надлежало скрывать благодатную мысль до времени удобного, ибо по мере раскрытия ближайшего, многих из членов, из смириения принял тон преподавателей дерзких правил, нельзя было предвидеть кроме гибельного конца со временем, тем паче, что действия правительства далеко, как видно было⁸, // (л. 6) не поощряли к подобному распространению правил⁹, а всячески оказывалось уже¹⁰ противно тому, к чему сначала самого Пестеля поощрял нас, — а потом обратил это в вину непостоянства самого правительства, якобы не имеющего ни твердости, ни силы к достижению полезного. Но сии умствования были тщетны, ибо я, как и многие, увидели давно¹¹ обман из опыта и познания людей самих. Обстоятельства о¹² сказанных выше несогласиях, возникших в мнениях различных при последних сбирающих (наичаще происходящих у Пестеля и у Юшневского), подкрепляли мои надежды.

Пестель подал мысль свою, между прочим, об учреждении временного¹³ диктаторства для прекращения вкравшегося беспорядка в обществе (имея, конечно, в виду себя) и с тем, чтобы избранного уполномочить властию сделать постановления пространнейшие и более самовластные, чем ничтожные правила, изложенные в Зеленої книге, и что это было только для робких душ на первый раз (вот почти слова его). Многие различно рассуждали о сем, но никто не принял // (л. 6 об.) сей мысли; одни говорили, что этого не вправе сделать без совещания всех налицо членов.

1 Фамилия отмечена крестом карандашом.

2 Слова «что был в» вписаны другими чернилами.

3 Слова «кажется, отстал совершенно» подчеркнуты карандашом.

4 Слово «самом» вписано над строкой другими чернилами.

5 Слово «самостоятельный» исправлено с «самостоятельности».

6 Слова «заметно более» вписаны над строкой другими чернилами.

7 Исправлено с другого слова.

8 Слова «как видно было» приписаны другими чернилами.

9 Слово «подобному» написано вместо стертого, слова «распространению правил» вписаны над строкой.

10 Слово «уже» вписано другими чернилами.

11 Слово «давно» вписано над строкой.

12 Слово «о» вписано над строкой.

13 Слово «временного» вписано над строкой.

нов, другие что это изменяет коренное правило, что это слишком самовластно, и заменяли эту мысль составлением триумвирата; — но после жарких споров и личных подозрений и это оставалось непринятым. Я желал и надеялся поколебать все здание, если не разрушить его собственный раздор, предложением, чтоб¹ зимой сбраться в Москве доверенным членам от разных мест и там уже положить изменение, в полной надежде, что неожиданность новых лиц и мнений еще скорее положит разногласия в суждениях и в мерах к преобразованию общества и что оно решиться только может в отсутствии Пестеля, как самого ревностного члена и самого опасного. В противном же случае, я дал себе клятву, — бог мне свидетель! — что если в Москве не достигну желаемого конца, то обнаружить это сословие, ибо оно принимало решительно вид желания ввести конституцию со временем, как скоро усилится в своем составе². // (л. 7) Так как Пестелю не могло быть особых поводу самому ехать в Москву, ибо известно было всем, что у него ни родства, ни связей особых там нет, то он неохотно принял эту мысль, но большинство голосов превозмогло, тем паче, что Орлов, Фон-Визин, Охотников, Бурцов и я без того намерены были ехать этой зимой в Москву. Главным уполномоченным от Тульчинского общества, невзирая на мое старание быть предпочтительно избранным самому, дабы успешнее действовать в предположенном смысле, однако ж избран был Бурцов, а я ему в виде помощника, ибо признали члены под видом необходимости послать коренного члена, хотя я имел все право скорее думать, что меня уже подозревали и потому не выбрали одного. Невзирая на то, что Фон-Визин и Пестель во многом не сходились и часто оканчивали споры личностями, но как оба ревностные члены, то Фон-Визин и отправился из Тульчина прямо в С[анкт]-Петербург для совещаний по сему делу // (л. 7 об.) и сообщить Коренному совету о сделанном предположении в Москве; а между тем и отобрать его мнение на это.

Приехавши в Москву, начались у него и собрания в его доме. Из Петербурга прислан был Николай Тургенев, скоро приехал Граббе, Якушкин и многие еще из членов, Михаила Муравьев, Охотников и прочие. Фон-Визин предложил мысль, вероятно по совещанию в С[анкт]-Петербурге, чтоб общество разделить на три разряда. Один высший незнаемых, в виде постоянного главного совета, который должен будет управлять и составлять законы обществу. Второй разряд, от него зависящий, — исполнительный, приводящий их положения к исполнению, из него же должны командироваться члены дляъездов и наблюдений хода общества по разным местам, а прекратить обязывали³ всякого рода переписку. И, наконец, // (л. 8) третий разряд — нововодимых. Сии мысли поддерживались его партию в Москве, именно, Граббе, Волконский⁴, Якушкин, Фон-Визин меньшой. Охотников и Бурцов, которые и жили у него в доме, кроме Волконского⁵. Тургенев, которого я в первый раз в сем случае видел, и пользуясь их уважением избран был в председатели совещаний на все время сего временного собрания. Он казался весьма умеренным; я старался сблизиться с ним, посещал его часто и в доме его до собраний, и всячески старался, откровенно говоря с ним, наклонить его к уничтожению общества, что ему удобнее теперь, чем кому-нибудь, излагая и даже увеличивая⁶ ему, что во второй армии оно имеет вид якобинства и угрожает со временем беззначанием⁷ и гибелью; я давал ему чувствовать опасения со стороны полиции во время наших съездов⁸, словом: все, что могло содействовать к цели моей. Я нашел в нем скоро⁹ — по притворству ли, или по чувству, но весьма не чуждым // (л. 8 об.) от сего, и он как умный человек вел дело очень осторожно к цели: он опровергал реши-

1 Слово «чтоб» написано вместо зачеркнутого «к».

2 Слово «конституцию» вписано над строкой.

3 Слово «обязывали» вписано над строкой.

4 Фамилия вписана над строкой.

5 Слова «кроме Волконского» вписаны над строкой.

6 Слова «и даже увеличивая» вписаны над строкой.

7 В подлиннике: «беззначанием со временем», цифрами «1», «2» над словами указано как следует читать.

8 Семь строк от слов «его к уничтожению общества...» на полях отчеркнуты карандашом, слова «во время наших съездов» вписаны над строкой.

9 Слово «скоро» вписано над строкой.

тельно предложенную таинственность Фон-Визиным¹, и, кажется, Орлов¹ также не соглашался с этим распоряжением. Я старался, сколько можно было как не коренному члену, опровергать или по крайней мере, находить во всех предположениях к новому устройству везде и во всем менее или более неудобства; чтобы² медлить, тянуть и наскучить этой медленностью нетерпеливым и пылким характерам, каковы Граббе, Фон-Визины, Якушкин и Охотников. Показывая различным партиям и усердие, и опасение, Бурцов по обыкновению был умерен в предложениях и правилах. Калошин, как замечен был мною³, робкого нрава, я не скрыл с ним дурные последствия всего⁴ и опасения; он начал отставать и редко очень ездить; я пропустил два приглашения к⁵ собранию: раскрыло ли это сильнее еще // (л. 9) прежнего подозрения их на меня⁶, ибо однажды Якушкин¹ (один из самых пылких нравов), мне прямо сказал, что он читает на челе моем противное благу общества. «Да, — отвечал я⁷ ему, — если оно⁸ не взойдет в пределы первых правил». — «Это невозможно!»

И точно уже невозможно было, я это знал. Заметно в последний вечер, как я был у Фон-Визина, во всех какую-то вдруг⁹ умеренность, и вечер сей казался быть более частным, чем политическим. Орлов не был, Тургенев¹ скоро уехал. На другой день является ко мне Охотников и объявляет, что ездили они с Фон-Визиным уговаривать и упрашивать Орлова, ибо¹⁰ он прислал накануне письмо отречения от общества; старания были напрасны, он, говорят, не согласился и уехал с тем. Тургенев по убедительнейшей просьбе моей созвал членов¹¹, и Бурцов охотно пристал тут к уничтожению решительному // (л. 9 об.) общества формальным образом. Надобно, и справедливость требует заметить здесь, что полковник Кальм в то время был с полком своим 28-м егер[ским] в Москве¹² в карауле, ибо полк сей перешел из 2-й армии в 5-й корпус. Он знал от меня о собраниях в Москве. Я просил его участвовать в моем намерении и чтоб ездить начать к Фон-Визину, но он настоятельно не хотел ни того, ни другого, ни содействовать к уничтожению, ни к устройству. И не разу не был. Александр Муравьев, как сказывал мне Бурцов, что он был тогда в Москве, но не пожелал быть в обществе.

Таким образом положено и сделано было Тургеневым¹³ объявление от имени всех коренных членов по праву, как¹⁴ доверенного об уничтожении совершенном общества по несходству и мыслей, и правил и по убеждению общему положить ему конец. Это было, кажется, в конце февраля 1821-го года. Я полагал и уверен // (л. 10) был в душе моей, что все наконец рушилось, ибо ход всего дела натуранен. Отречение Орлова надобно было полагать откровенным, ибо он негодовал уже сильно на первенство, принимаемое партию Фон-Визина, и не один раз повторял, что надобно еще долго времени пройти, покамест члены откинут личности, частные выгоды и партии, что это — заговор в заговоре, и не один раз с неудовольствием оставлял собрания у¹⁵ Фон-Визина. С потерей же его общество оставалось как бы оскорбленным, это видно было на лицах об нем жалевших. Тургенев и Бурцов ослабевали жаром и, казалось, непртиворно приступали к уничтожению. Последний из них, яко присланный по уполномочию из Тульчина, получил от

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Перед словом «чтобы» зачеркнуто «будь».

3 Слова «замечен был мною» вписаны над строкой.

4 Слово «всего» вписано над строкой.

5 Слово «к» вписано вместо зачеркнутого «на».

6 Слова «на меня» вписаны над строкой.

7 Слово «я» вписано над строкой.

8 Далее зачеркнуто: «прे».

9 Слово «вдруг» вписано над строкой.

10 Слово «ибо» вписано вместо зачеркнутого «на что».

11 Слово «членов» вписано над строкой.

12 Далее зачеркнуто: «и».

13 Фамилия вписана над строкой.

14 Слово «как» вписано вместо зачеркнутого «его».

15 Слова «собрания у» вписаны над строкой.

Тургенева объявление об уничтожении общества для доставления во 2-ю армию¹. Бурцова отпуск продолжался еще, и он отправился к себе в деревню, чтоб оттуда быть в Тульчине. Мой же отпуск оканчивался, и я должен был ехать. Я, прибывши в Тульчин, старался прежде приватно до приезда Бурцова приготовить порознь членов к принятию радостного // (л. 10 об.) для меня извещениям им, и, зная Ивашева и Басаргина гораздо менее прочих³ привязанными к обществу, сообщил им; они приняли, кажется, с удовольствием, смешанным с удивлением. Я просил их принять как следует и не допускать Пестеля их переуверить в невыгодную сторону. Но Пестель, от проницательности которого не скрылось, когда я уверял его, что⁴ как Бурцов настоящий их депутат, то он и остался в Москве⁵ до окончательного их⁶ извещения своим приездом, а я, как редко ездил в общество от сильных раздоров, но не⁷ предвижу, чтобы кончилось удачно.

Надобно знать Пестеля и его ужасную ревнительность к успеху общества, чтоб видеть его сокрушение от сей новости внезапной, разрушающей все его усилия и старания многих лет; догадываясь об уничтожении и умея скрыть однако ж, что он жалел бы совершенно об этом, дабы не подать мне подозрение, что он намерен противиться этому и сослаться с петербургскими товарищами, он сказал только, что они не вправе были уничтожить, что не ими одними основано было. // (л. 11) Как я не старался ему доказывать, что тут большое количество было людей доверенных, но он упорствовал во мнении до приезда Бурцова, который, созвавши вместе всех⁸ членов при Пестеле, объявил им, то же самое, что я говорил⁹ им порознь. Представил им акт объявления. Я приглашал их стараться изгладить в душе и мысль прошедшего и удалился. Бурцов меня уверял, что не только все приняли и сам Пестель покорился необходимости, но и поспешил он, как и обязан был, сообщить и в армию разным¹⁰ членам об уничтожении общества.

Богом клянусь, что убежден был совершенно до сего¹¹ времени, что с тех пор не оставалось никакого следа, что везде все прервано, разрушено, забыто и даже думаю и теперь, что если Пестель опять¹² основал что-нибудь подобное, то едва ли многие пристали к нему из вышепоименованных в главной квартире.

Я торжествовал в душе моей успешным содействием к¹³ прекращению общества¹⁴ и некоторым образом облегчил душу мою от тягостного гнета, давившего ее три года, что меня еще более убеждало в этой мысли, // (л. 11 об.) что все совершенно кончено в Тульчине, ибо в возникшем через год после сего происшествия в Бессарабии, по управлению 16-ю дивизией генералом Орловым и прикованных к сему делу Раевским, Охотниковым, Непениным и некоторыми офицерами его полка, не открылось никакого следа и связи с прежним: это был новый род идей, простирающихся, как кажется, от самого Раевского и в его только¹⁵ полку, ибо¹⁶ по всем тщательным изысканиям генерала Сабанеева и Киселева никакого сношения не было¹⁷ открыто с прежними членами главной квартиры, или в армии с другими членами¹⁸.

Раевского я знал с малолетства, обучаясь с ним вместе в Москве, с [18]12 года, приняв различные службы, мы не встречались до 1816 года; он был принят в об-

¹ Слова «для доставления во 2-ю армию» вписаны над строкой.

² Далее зачеркнуто: «чем».

³ Слово «прочих» вписано над строкой.

⁴ Слово «что» вписано над строкой.

⁵ Слова «в Москве» вписаны над строкой.

⁶ Слово «их» вписано над строкой.

⁷ Слово «не» вписано над строкой.

⁸ Слова «вместе всех» вписаны над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто: «и».

¹⁰ Слово «разным» вписано над строкой.

¹¹ Далее зачеркнуто: «пор».

¹² Слово «опять» вписано другими чернилами. Далее зачеркнуто: «и».

¹³ Слова «содействием к» вписаны над строкой.

¹⁴ Слово «общества» вписано над строкой.

¹⁵ Слово «только» вписано другими чернилами.

¹⁶ Слово «ибо» вписано другими чернилами.

¹⁷ Слово «было» вписано над строкой.

¹⁸ Слова «с другими членами» вписаны другими чернилами.

щество в 1819 году, в проезд свой чрез Тульчин в Бессарабию, где квартировал его полк: с тех пор я его не видал. Он не мог не знать об уничтожении общества кроме того, что Бурцов сообщил ему, а еще более от самого // (л. 12) Орлова, при коем он находился до арестования его уже¹ в звании начальника школы юнкеров 16-й дивизии. Но полагать надобно, что он по уничтожении главного общества основал сам отдельное в 32-м Егер[ском] полку, кажется, сие не² объяснилось в деле военного суда, над ним производимого.

Говоря³ здесь⁴ об общем предмете, не мог, чтоб не изложить и частностей, которые знакомят ближе с понятием о главном предмете. В Москве теперь я видел двух офицеров второй армии: Басаргина⁵, возвращавшегося к своему месту из отпуска, и состоящего в отпуске квартир[мейстерской] части подпоручика Горчакова⁵ и знал их прежде за невоздержанных в суждениях своих, но удостоверяю, что теперь в два раза, как они были у меня в Москве⁶, я ни одного слова не слыхал от них противного долгу, при нынешних обстоятельствах. А Басаргин прежде был в обществе⁷.

С уничтожением общества в Тульчине, я осмелиюсь сказать об моих частных отношениях: я ждал окончания высочайшего смотра армии, чтоб оставить оную навсегда, слухи о смотре сем почти за год были известны в армии, // (л. 12 об.) я более чем когда-нибудь удвоил снова⁸ бдительное внимание к распознанию и наблюдению за образом мыслей в главной квартире, и где можно было и в полках, но никак и ничего заметить нельзя было, и все казалось совершенно утихшим. Я с этой мыслью и оставил армию 2-ю после смотра.

Вот, всемилостивейший государь, откровение души моей, навсегда вам признаательной: излагаю сие по приказанию вашему с подтверждением лично мною вам сказанного, но излагаю во имя Бога и по гласу совести.

Клянусь честию, благородным званием офицера и неограниченной преданностью к покойному государю и к вам, государь, что объяснил здесь все то, что по краткости времени мог припомнить главнейшего, — если бы что пропустил или забыл, не повините, государь и благодетель мой: в подобные минуты не всегда управляешь связью мыслей и памятью точной в ходе действий и времени, и лиц: — но мог забыть или не знать⁹ иных, но никого не назову напрасно // (л. 13) или увеличить по пристрастию оттого я и отделил тех, об которых знал по слухам. Пусть отзовется это мне и детям моим, если хоть сколько-нибудь думал покривить совестью.

Всемилостивейший государь! Я ничего не ишу, ничего не желаю теперь, кроме мирного покоя совести и семейного благополучия. Вы мне его возвращаете: мне остается благословлять имя ваше под благотворным правлением вашим, ибо оно таково будет непременно, как начало его было справедливо грозно. Но единожды, государь, очистя дух в войсках от вкравшейся в офицерах¹⁰ нравственной заразы, вы обеспечите и мир себе и нам. Прошу, умоляю однако же об¹¹ одной милости, и оного слова вашего на это¹² достаточно будет: не презирать меня как доносчика, но как желавшего // (л. 13 об.) давно исполнить долг свой без погибели не от моей руки, а от собственных заблуждений виновных, если они продолжали еще таить намерения свои, когда я полагал их совершенно уничтоженными как бы в самом себе.

Оsmeliavaюсь просить еще ваше императорское величество поручить себя в случае надобности покровительству вашему, ибо нельзя, чтоб когда-нибудь¹³ не сде-

¹ Слово «уже» вписано над строкой другими чернилами.

² Слово «не» вписано над строкой.

³ Перед словом «говоря» зачеркнуто «я».

⁴ Слово «здесь» вписано над строкой вместо зачеркнутого «к».

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁶ Слова «как они были у меня в Москве» написаны вместо стертых слов. Слова «были у меня в Москве» вписаны над строкой.

⁷ Слова «А Басаргин прежде был в обществе» написаны другими чернилами.

⁸ Слово «снова» вписано над строкой.

⁹ Слова «не знать» вписаны над строкой.

¹⁰ Слова «в офицерах» вписаны над строкой.

¹¹ Слово «об» вписано над строкой.

¹² Слова «на это» вписаны над строкой.

¹³ Слова «когда-нибудь» вписаны над строкой.

лалось некоторым известными¹ сии² откровения мои, кои могут³ ожесточить ненависть в их родных или в⁴ друзьях, но я готов, государь, запечатлеть кровью своей неограниченную преданность мою к особе священной вашей, наследнику и дому вашему.

27 декабря
10 часов вечера

Всемилостивейший государь,
низкийший верноподданный
Николай Комаров⁵ // (л. 14)

№ 3 (2)⁶

По лично мне сделанному спросу г[осподином] д[ежурным] г[енералом] Г[лавного] шт[аба] его и [императорского] в[еличества], требовалась ли расписки при вступлении в общество?

На сие ответствовать честь имею, что из положения «Зеленої книги» (названной, кажется, единствено по цвету первой обертки своей, под которыми она находилась), что точно в правилах ее положено было давать расписки и двоякого рода.

Одну в удостоверение того, что вступил в общество и обещается действовать точно по смыслу этой книги и сохранять это втайне (я, сколько мог припомнить содержание ее, объяснил вкратце оное в первом донесении моем, — точно такую, в каком содержании⁷ она дошла до меня, — я много, если раза два ее видел, ибо Пестель очень редко и неохотно ее показывал впоследствии).

Другая расписка требовалась в том, что⁸ по воле сколько пожертвует ежегодно ден, то будет производить ежегодно сию сумму.

Хотя это было в 1818 году, но, сколько припомнить могу за себя, не знаю, как другие, но что я упорствовал дать первую расписку и не давал оной, как Пестель впоследствии даже не настаивал. Я отзывался тем, что в этой самой книге я готов расписаться, но кто мне поручится, что под этой же оберткой и названием не составится впоследствии что-нибудь другое и мне даже неизвестное // (л. 14 об.) и что я решительно не дам отдельной расписки, которая может примениться и к чему-нибудь другому. Он мне отвечал, что⁹ не принято в книге расписываться, а как наберутся расписки, то пришнуруются к книге, но сколько я могу припомнить, я не давал и не дал, ибо¹⁰ он имел неосторожность (в чем и сознался сам мне), что не следовало бы ему объявить мне об обществе, пока не возьмет хотя предварительной расписки, но что он это сделал единствено по доверенности ко мне, которую я с первым шагом уже нарушаю, и что уверен он, что я последую примеру других и впоследствии дам, а насчет другой о взносе денежном сказал, что это относится более до состоятельных людей¹¹, ибо это назначается для бедных — «а вы сами небогаты».

При сем случае осмеливаюсь здесь присовокупить в дополнение к сделанному мною изложению о начале общества во 2-й армии, представленному госуд[арю] импер[атору] через господ[ина] во[енного] мин[истра] и¹² особому письму еще к е[го] в[еличеству], врученному от меня через г[осподина] д[ежурного] генер[ала] Г[лавного] штаба, где я стремился только по внушению долга, совести и истины объяснить все то, что знал или слышал, но не обращался почти нигде существенно

1 В подлиннике: «известным некоторым», цифрами «1», «2» над словами указано как следует читать.

2 Слово «сии» вписано над строкой.

3 Слова «кои могут» написаны вместо стертых слов.

4 Слово «в» вписано над строкой.

5 Показания написаны Н.И.Комаровым собственноручно.

6 Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 3 января 1826». Слева на полях вертикальная помета карандашом: «Иметь в виду при допросах, в особенности членов Южного общества и бывших на съезде в Москве».

7 Слова «в каком содержании» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «как».

8 Далее зачеркнуто: «вступив».

9 Далее зачеркнуто: «это».

10 Слово «ибо» вписано над строкой.

11 Слово «людей» вписано над строкой вместо зачеркнутого «их».

12 Слова «через господ[ина] во[енного] мин[истра] и» вписаны над строкой.

ко собственной защите моей, ибо думал, что с чистой совестью и с разрушением общества и после лично мне сказанного госуд[ар]ем императором, не полагающим уже меня виновным¹, ничего мне не остается говорить собственно про себя, а полагал, что по сему сказанному² изложению моему об обществе меня позовут предстать перед высокий³ совет, высочайше учрежденный для исследования, где я подтвердлю с некоторыми подробностями мною сказанное и, если нужно, и к собственному⁴ оправданию самого себя. Ибо я, излагая // (л. 15) ход общества менее всего думал *о самом себе*, кроме того, что отец сердцеведец внушал мне к искоренению его: ибо всегда мне казалось, что⁵ отстать одному (что я в душе моей давно сделал), но этого мало, рано ли, поздно ли, но беззаконность обнаружится, они меня не пощадят, что я давно отстал. Я все буду причастен к их преступлению. Я мог отстать в Тульчине и всегда и везде, но спрашиваю, к чему это меня привело бы? Я питал одну мысль, кажется, дерзкую в начале своем, это общего уничтожения общества⁶ или обнаружения его в противном случае; — и вот почему⁷ предложил собраться [в] 1820 году⁸ в Москве, куда и собирались в зиму в декабре, и, кажется, до февраля 1821 года продолжались раздоры, распри, приведшие к уничтожению формальному, а не закрытию временному (ибо акт был такового свойства).

Руководствуясь тем же несчастным откровением и святыни долга моего, принимаю смелость сказать утвердительно, что если я оставался в заблуждении, что оно уничтожено, то я не добровольно поддался на обман, ибо все то, что может только уверить в ереси — все было сделано и весь ход наружных обстоятельств убеждал меня в этом.

Я с Москвы, то есть с начала 1821 года будучи убежден в существенном и формальном уничтожении общества с тем вместе почитал себя совершенно непричастным ни действием⁹, ни мыслию, ни воспоминанием даже к бывшим заблуждениям. И сколь¹⁰ они непродолжительны были по вступлению моем, так ревностно в продолжение 5-ти лет преследовал их. Никогда и прежде мнениями моими не возвышалась чрез пределы «Зеленої книги», а как скоро¹¹, познавши Пестеля короче, его безнравственность, его порочность души сухой, хитрой и способной на все гнусное, — я ревностно стал // (л. 15 об.) противиться и скрытно, и явно, сколько было возможно¹², его образу мыслей и успехам, и образовал из него себе¹³ впоследствии ненавистного врага, и так уверен, что он убежден, что это¹⁴ я открыл все прежнее до 1821 года, — ибо если было что после им устроено, то¹⁵ он лучше всех должен знать, что мне ничего не было известно.

Таким образом, не принадлежа и прежде¹⁶ к обществу *ни расписками, ни словом*, впоследствии¹⁷ которое я возвратил себе своими мыслями и¹⁸ действиями, противными к дальнейшему устройству, и давно уже ни разумом, ни совестью моей, я с уничтожением в Москве с 1821 года¹⁹, полагал себя совершенно правым и чистым пред богом и государем и потому впоследствии в расписках, требованных по указу

1 Слова «не полагающим уже меня виновным» вписаны над строкой.

2 Слово «сказанному» вписано над строкой.

3 Слово «высокий» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто: «защиты».

5 Слова «всегда мне казалось, что» вписаны над строкой.

6 Слово «общества» вписано над строкой.

7 Далее зачеркнуто: «едва».

8 Слова «1820 году» вписаны над строкой.

9 Слова «ни действием» вписаны над строкой.

10 Далее зачеркнуто одно слово.

11 Слова «как скоро» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «скоро».

12 Слова «сколько было возможно» вписаны над строкой.

13 Слово «себе» вписано над строкой.

14 Слово «это» вписано над строкой.

15 Слова «им устроено, то» вписаны над строкой.

16 Слова «и прежде» вписаны над строкой.

17 Слово «впоследствии» вписано над строкой.

18 Слова «мыслями и» вписаны над строкой.

19 Так в подлиннике. Слова «с 1821 года» вписаны над строкой.

е[го] и[мператорского] в[еличества] насчет масонских лож и тайных обществ, я показал себя непринадлежащим ни к тем, ни к другим, к первым я точно, по истине, никогда не принадлежал. Но обвиняю себя и теперь и прежде обвинял¹, во всей полноте² сознающейся³ души, в моей робости или слабости⁴ поползновения на пример других; — для чего я не показал тогда, что я был в том обществе, хотя оно и уничтожено было более года, кажется, прежде, чем требовались расписки сии. Вот только⁵, что могу принести к этому в извинение, если оно может быть уважено⁶, и чем тогда остановился (и чего однако ж⁷ никогда себе не прошу).

1-е. Я был тогда в Тульчине убежден в разрушении общества, расписки напрасно давались явно, открыто на общем листе по принадлежности частей⁸ управления. То думал, прежде чем дойдет это от Главн[ого] штаба в С[анкт]-П[етер]бурге и так еще заметят ли // (л. 16) это в общей массе, как меня здесь уничтожат (если что-нибудь у них кроется), а если уничтожение было откровенно они тоже скажут, что и я, точно было на основании такой-то⁹ «Зеленой книги», но все уничтожено с февраля 1821 года, — а я или погибну, по предложению первого случая¹⁰, а по другому осрамлюсь, но в обоих не принесу никакой пользы правительству. Богом клянусь, вот то, что я тогда и после думал¹¹.

Я¹² уже имел честь сказать выше, что я не поместил многих частностей в первом моем донесении, — краткость¹³ ни время, ни необходимость никакая меня к тому не понуждала, я думал по чистоте моей совести¹⁴, немедленно по изложению всего, что я знал¹⁵, получить формальное запрошение от¹⁶ государя императора, после его превратного, мне лично сделанного¹⁷, или предстать перед совет, высочайше учрежденный, где, подтверждая все, что знаю, может, еще могу объяснить некоторые статьи краткого моего изложения, — а потому и проект сего добровольно. Но клянусь всем, что для меня есть бесценного в мире, сверх моего долга пред богом, государем и человечеством, если бы в те немногие и не целые вечера, в которые я бывал у Фон-Визина // (л. 16 об.) в Москве, едва ли если более 3-х или 4-х во все время двух месяцев моего отпуска, и то в различные интервалы, хотя у него многие (как я уже объяснил в первом донесении моем) из членов жили в доме, и, вероятно, с утра до вечера совещались и рассуждали различно¹⁸ о преобразовании общества: но свидетельствую еще раз¹⁹, что я собственно сверх споров, распреи и личностей²⁰ собственно об этом предмете ничего не слыхал. Бог мне свидетель, что не пощадил бы с тою же откровенностию сказать в первом²¹ донесении моем или теперь, если б что-нибудь знал, или припомнил: мне не трудно было б это, ибо я всегда, что знал сам по себе, или по слухам, наичаще чрез Охотникова, ибо они собственно от меня могли скрываться; я вел всегда²² краткий жур-

1 Слова «и теперь и прежде обвинял» вписаны над строкой.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Первоначально было: «сознавшейся».

4 Слово «слабости» вписано над строкой вместо зачеркнутого «скорбного».

5 Слова «Вот только» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «Одно».

6 Слова «если оно может быть уважено» вписаны над строкой.

7 Слова «однако ж» вписаны над строкой.

8 Слова «принадлежности частей» вписаны над строкой.

9 Слова «такой-то» вписаны над строкой.

10 Далее зачеркнуто «или».

11 Десять строк от начала листа отчеркнуты на полях карандашом.

12 Перед словом «Я» зачеркнуто «в».

13 Слово «краткость» вписано над строкой.

14 Слова «по чистоте моей совести» вписаны над строкой.

15 Слова «всего, что я знал» вписаны над строкой.

16 Слово «от» вписано над строкой.

17 Далее зачеркнуто: «е[го] в[еличеством]».

18 Слово «различно» вписано над строкой.

19 Слова «еще раз» вписаны над строкой.

20 Слова «распреи и личностей» вписаны над строкой.

21 Слова «в первом» вписаны над строкой.

22 Слово «всегда» вписано над строкой.

нал у себя дома¹ и долго еще сохранял его и после не один раз его перечитывал. Оттого многое и помню почти буквально, а не по смыслу только², и жалею душевно³, что уничтожил его впоследствии в 1823 году уже.

Но, воистину бога, при мне ничего не бывало, кроме толков, споров, буйного беспорядка⁴ и рассуждений в том, как поставить членов⁵ общества в большую зависимость и покорность друг от друга учреждением должностей, классов, их названий, их обязан// (л. 17)ностей и приучать их к порядку в⁶ совещаниях и рассуждениях, ибо подлинно всегда наичаще⁷ бывало, что все⁸ говорят и кричат в одно время, одни ходят, другие сидят, курят трубки, рассуждают о постороннем и, не вслушиваясь о чем⁹, вмешиваются. Словом, это был хаос примерный¹⁰.

Но сколько ни запрашиваю совесть и память мою, мне не изменявших, не слыхал никогда, чтоб при мне говорили о каких-либо намерениях к введению со временем конституции, или к нарушению тогда или после¹¹ спокойствия¹² в Москве или где-нибудь; да и кажется мне невозможным, чтоб они могли затевать тогда что-нибудь подобное (если эта мысль¹³ и скрывалась в душе¹⁴ кого-нибудь впоследствии), ибо они никак не успевали еще в организации внутреннего устройства общества, к которому усердно стремились, но не сходились в способах и мерах.

Избави меня бог быть их защитниками из пристрастия¹⁵. Но в той же единственной мысли и долга откровения присоединяю сии подробности к сказанному уже, // (л. 17 об.) чтоб подробностями некоторыми дополнить и объяснить более состояние духа и мыслей¹⁶, в каком я оставил общество пред уничтожением его формальным.

В подтверждение чего, обратить полагаю должным внимание на то, что если б они имели какие-нибудь намерения действительные к нарушению спокойствия тогда в Москве, то Фон-Визин бы не упустил бы¹⁷ из виду¹⁸ ухаживать за полковником Кальмом (который, как я сказал уже прежде, стоял с полком своим в Москве и содержал караул), но я в 3-й или 4-й раз, которые был у Фон-Визина¹⁹, не только ни разу Кальма не встречал²⁰ в обществе у него, но едва ли он и приглашался ими²¹. Я ссылаюсь на него самого, Кальма. Когда я его встретил где-то в доме²² (но не у него только был) и отозвавши его²³ сообщил ему мое удивление, что он не приглашается к Фон-Визину, и старался наклонить его приехать, ибо зная полк[овника] Кальма во 2-й армии²⁴ всегда очень²⁵ умеренным, я уверен был, что он не согласится ни на какое преобразование общества по новому пред-

1 Слова «у себя дома» вписаны над строкой.

2 Слова «Оттого многое и помню... только» вписаны между строк.

3 Слово «душевно» вписано над строкой.

4 В подлиннике: «беспорядка буйного», цифрами над словами «1», «2» указано как следует читать.

5 Слово «членов» вписано над строкой.

6 Слово «в» вписано над строкой.

7 Слово «наичаще» вписано над строкой.

8 Слово «все» вписано над строкой.

9 Слова «о чем» вписаны над строкой.

10 Далее зачеркнуто: «а как».

11 Слова «или после» вписаны над строкой.

12 Слово «спокойствия» вписано над строкой вместо зачеркнутого «порядка».

13 Слова «эта мысль» написаны над строкой вместо зачеркнутого «она».

14 Слова «в душе» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

15 Слова «из пристрасти» вписаны над строкой.

16 Далее зачеркнуто: «на».

17 Слово «бы» вписано над строкой.

18 Далее зачеркнуто: «Пов».

19 Слова «в 3-й или 4-й раз, которые был у Фон-Визина» вписаны над строкой.

20 Далее зачеркнуто: «у».

21 Далее зачеркнуто: «и».

22 Слова «в доме» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

23 Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого «удивился».

24 Слова «во 2-й армии» вписаны над строкой.

25 Слово «очень» вписано над строкой.

положению, а кроме как было описано в «Зеленой книге» и, может, еще¹ окажет мне содействие к уничтожению общества // (л. 18). Но он не пожелал ни того, ни другого. Пусть спросят его: был ли он хоть раз, но я его там решительно не видел, и не знаю уже, по каким видам и по чьему ходатайству² он перешел впоследствии снова во 2-ю армию.

Таким образом, в последний раз пред сим я был у Фон-Визина; происходили в (вышесказанном виде) разговоры³ и несогласия. Видя, что он многих наклонил в своем смысле, я решительно перестал ездить, ибо много переносил и личных неудовольствий⁴, и на многие приглашения не являлся, отзываясь болезнью отца моего (который подлинно был болен тогда в Москве⁵). Но, наконец, дней десять спустя Охотников убеждает⁶ меня, говоря, что меня начинают⁷ явно подозревать и поносить в обществе⁸ (я⁹ старался узнать от него¹⁰, на чем они остановились теперь. «Все по-старому, не клейтся наше преобразование», — помнится, он сказал мне). Я не помню собственно, что ему говорил, но в том смысле, что если они захотят что-нибудь вводить противу принятого, я отойду; обещал ему приехать в назначенный день, и, приехав довольно рано, их¹¹ не могло еще быть. Этого последнего моего вечера я никогда не забывал и не забуду: — в первой комнате от¹² гостиной слышу¹³ // (л. 18 об.) шум, а войдя застаю в сильном споре генерала Орлова с Фон-Визиным, Якушкиным, Охотниковым¹⁴ и еще кто-то из кричавших. Не бывши при самом¹⁵ начале спора¹⁶, точно не знаю, о чем, но догадываюсь явно, что Орлов¹⁷ опровергал предположения¹⁸ Фон-Визина и с жаром¹⁹, а как сего последнего придержались²⁰ с ним живущие, то в эту-то минуту у него вырвалось с неудовольствием²¹, что это похоже на заговор в заговоре. Никогда не забывал этих слов, ни тотчас же возникшего моего разговора, ибо он же был и последний. Как скоро²² попртихло, я отнесся к Орлову в этом смысле, а может и в этих²³ словах самых²⁴, ибо они не раз и после²⁵ пробегались в моем журнале (который и вел у себя дома²⁶) и на случай, если общество не разрушится в Москве²⁷, то чтоб было чем хотя несколько²⁸ уличить при обнаружении его. Говорю ему: «Я очень понял, что ваше превос[ходительство] хотели сказать первым словом; но значения второго я не понимаю, к чему вы применяете?»

1 Слова «может, еще» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

2 Слова «и по чьему ходатайству» вписаны над строкой.

3 Далее зачеркнута строка.

4 Слова «ибо много переносил... неудовольствий» вписаны над строкой.

5 Слова «тогда в Москве» вписаны над строкой. Далее зачеркнуто несколько слов.

6 Слово «убеждает» вписано над строкой вместо зачеркнутого «приглашает».

7 Слово «начинают» вписано над строкой.

8 Далее зачеркнуто: «по», «но».

9 Далее зачеркнуто «не хот[ел]».

10 Слова «от него» вписаны над строкой.

11 Слово «их» вписано над строкой.

12 Далее зачеркнуто: «залы».

13 Далее зачеркнуто: «слабый».

14 Фамилия вписана над строкой.

15 Слово «самом» вписано над строкой.

16 Слово «споря» вписано над строкой.

17 Слова «догадываюсь явно, что Орлов» вписаны над строкой вместо зачеркнутых «явно, что Фон-[Визин]».

18 Далее зачеркнуто: «пред».

19 Слова «и с жаром» вписаны над строкой.

20 Далее зачеркнуто: «многие».

21 Слово «неудовольствием» вписано над строкой.

22 Слово «скоро» вписано над строкой вместо зачеркнутого «только».

23 Слово «этих» вписано над строкой.

24 Далее три слова вписаны над строкой и зачеркнуты.

25 Слова «и после» вписаны над строкой.

26 Слово «дома» вписано над строкой.

27 Слова «в Москве» вписаны над строкой.

28 Слова «хотя несколько» вписаны над строкой.

Ибо подлинно нетрудно было постигнуть, что *первым* словом «заговор» Орлов определил ясно партию Фон-Визина, которая жила под одним кровом, пила и ела его хлеб и соль за одной с ним¹ трапезой, // (л. 19) мыслила², судила и решала по его мановению, ибо он был и умней и ревностней всех³, имел твердость во мнениях постоянную и⁴ упорчивую. Один Бурцов, сколько я его разумею, лежал⁵ всех их слабее к нему⁶ и на слово которого надеюсь в уверении об уничтожении общества и на формальное объявление, которое у него после⁷ читал. Орлов молчал⁸. Я продолжал: «Исключите меня из общества⁹ и называйте потом его¹⁰, как хотите; я к нему не принадлежу ни записью¹¹, ни сердцем¹², давно уже и¹³ ничем». Обращаюсь к¹⁴ Охотникову и говорю: «Ты меня пригласил от имени кого приехать? Я уже десять дней, как¹⁵ не был, и потом что вхожу, так¹⁶ слышу подобные слова!» Якушкин меня прервал и сказал тут¹⁷, что давно уже читает на челе моем противное благу или успеху¹⁸ общества. Не помню наверное, кто именно из членов, не Тургенев ли или Охотников, сказал, что я слишком-literально беру значение слов и особенно в минуту еще горячих¹⁹ споров вырвавшихся, что никакого заговора нет и что я, верно, этого и сам не полагаю в душе; а что это не первая подобная²⁰ выходка моя с тех пор, как²¹ в Москве и которую относят многие²², как приидирку²³ к разрыву. // (л. 19 об.) Помнится, я не полагал ничего подобного на заговор, да и мудрено было ему тогда²⁴ составиться, когда ничто не ладилось к начальному устройству еще общества.

Орлов, который долго молчал и продолжал, кажется, не обращать [внимания] на Фон-Визина, но²⁵, наконец, отвечал мне в²⁶ подобном смысле²⁷. «Знаете ли вы, [господи]н Комаров, вы²⁸, который так буквально все²⁹ принимаете, что тайное общество есть тот же заговор — это синонимы»³⁰. И начал мне доказывать определением слов³¹ очень дельно. Я возражал ему, сколько мог, и почти³² в этом смысле, что мы, может, сойдемся в определении слов, но никак в сущности принятого

1 Слова «с ним» вписаны над строкой.

2 Слово «мыслила» вписано над строкой.

3 Далее зачеркнуто: «и».

4 Слово «и» вписано над строкой.

5 Слово «лежал» вписано над строкой вместо зачеркнутого «был».

6 Далее зачеркнуто: «ибо».

7 Слово «после» вписано над строкой.

8 Слова «Орлов молчал» вписаны над строкой, зачеркнуты и снова восстановлены.

9 Слово «общества» вписано над строкой вместо зачеркнутого «оного».

10 Слово «его» вписано над строкой.

11 Далее зачеркнуто «не», вписанное над строкой.

12 Слова «ни сердцем» вписаны над строкой, далее зачеркнуто: «и».

13 Слово «и» вписано над строкой.

14 Слова «Обращаюсь к» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «ибо».

15 Далее слово вписано над строкой и зачеркнуто.

16 Слово «так» вписано над строкой вместо зачеркнутого «то».

17 Слово «тут» вписано над строкой вместо зачеркнутого «мне».

18 Слова «или успеху» вписаны над строкой.

19 Слово «горячих» вписано над строкой.

20 Слово «подобная» вписано над строкой.

21 Слова «с тех пор, как» вписаны над строкой.

22 Слово «многие» вписано над строкой.

23 Далее зачеркнуто: «что».

24 Слово «тогда» вписано над строкой.

25 Слова «и продолжал, кажется, не обращать [внимания] на Фон-Визина, но» вписаны над строкой.

26 Далее зачеркнуто: «подо».

27 Слово «смысле» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

28 Слово «вы» вписано над строкой.

29 Слово «все» вписано над строкой.

30 Слова «это синонимы» вписаны над строкой.

31 Слова «определенением слов» вписаны над строкой.

32 Слово «почти» вписано над строкой.

значения их. Наше общество¹, по-моему, как его я понимаю², порочно только было скрытностию³ своей от правительства, а заговор может быть различных свойств и всегда несет с собой мысль⁴ преступления.

Обращаясь⁵ тут⁶ ко многим, я сказал, что такая таинственность⁷ к новому преобразованию общества решительно меня заставляет оставить его и теперь, чтоб оно уничтожилось; Пестель // (л. 20) только и стремится принимать военных, несмотря кто он, и мне перед отъездом из Тульчина поручал сказать это членам (мне странно было это поручение Пестеля, тогда как я в душе моей одного и желал, только не только военных, но и статских и всех привести к⁸ уничтожению⁹ с обществом вместе или обнаружить его немедленно).

После сего разговора я незаметно вышел и уехал с тем, чтоб и не быть никогда, а¹⁰ остальное известно из первого моего донесения, что я приглашен был к Ф[он]-Виз[ину] после¹¹ для сведения об уничтожении общества формальным актом.

Я почел долгом вслед за первым объяснением о ходе общества¹² написать и эти подробности в мое собственное оправдание. Остается теперь мне, чтоб совесть им внушила то, что если¹³ память над честию скрыть пожелает. // (л. 20 об.)

1-е¹⁴. Остается мне представить 15-й год службы моей в офицер[ском] чине, из коих от [18]12 до [18]18 были, смею сказать, без оттенка, ни ареста, ни выговора, как и впоследствии¹⁵, [18]18-й год был год заблуждений, [18]19-й уже начал¹⁶ освещать меня противу, [18]20-й внушил мысль противиться оным решительно. А в начале 1821-го совершенно свергнул их и был все время чист совершенно пред богом¹⁷ и совестью, царем покойным и царем царствующим.

Невзирая на то, что имел и имею много недоброжелателей и врагов даже во 2-й армии и везде по открытому и непокорному¹⁸ моему характеру, но им вручаю — подозрительный даже их чести и негодованнию противу меня — сказать, что знают: говорил ли я после уничтожения общества хотя с кем-нибудь из них о чем-нибудь новом или о протекшем. В Москве жил¹⁹, в Киеве был проездом, в С[анкт]-Пет[ербурге] в 1823-м году был в отпуску долгое время. Пусть скажет кто-// (л. 21)нибудь и что-нибудь:

Как я вел себя по службе все время и прежде и после [18]21 года?

Как я вел себя у г[рафа] Тол[стого] и во время всех последних происшествий²⁰?

Был Трубецкой, был Муравьев, было много кавал[ергардских] и всех полков офицеров, которые замешаны в последнем событии. Спросите их: видел ли кто и²¹ где-нибудь, чтоб говорил я с ними о чем-нибудь, был ли у них или они у меня?

Пущин все время²² служил в Мос[кве] при к[нязе] Голицыне, а я уже третий год при графе Толстом, я знаю, что он до [18]21 года принадлежал к обществу.

1 Слова «Наше общество» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «Одно», далее над строкой вписано слово «тайное», впоследствии зачеркнуто.

2 Слова «как его я понимаю» вписаны над строкой, далее зачеркнуто: «до».

3 Слова «было скрытностию» вписаны над строкой вместо зачеркнутых: «было преступно».

4 Слово «мысль» вписано над строкой вместо зачеркнутого: «какое».

5 Перед словом «Обращаясь» зачеркнуто: «гово».

6 Слово «тут» вписано над строкой.

7 В подлиннике: «таинственность такая», цифрами над словами «1», «2» указано как следует читать.

8 Слова «привести к» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «вместе».

9 Первоначально было «уничтожить».

10 После слова «а» зачеркнуто: «далее».

11 Слова «к Ф[он]-Виз[ину] после» вписаны над строкой.

12 Слова «о ходе общества» вписаны над строкой.

13 Слово «если» вписано над строкой.

14 Далее зачеркнуто: «Пусть».

15 Слова «как и впоследствии» вписаны над строкой. Далее зачеркнуто: «с».

16 Слово «начал» вписано над строкой.

17 Далее зачеркнуто: «царем покой[ным]».

18 Слова «и непокорному» вписаны над строкой.

19 Слово «жил» вписано над строкой.

20 Далее зачеркнуто: «я».

21 Слово «и» вписано над строкой.

22 Слова «все время» вписаны над строкой.

Спросите его, позволил ли я себе, видев его иногда в разных домах, коснуться чего-нибудь из этого и был ли я у него или он у меня хоть раз? // (л. 21 об.)

1. Я за [...]¹ охотно прочих лиц.

2. Я был в Петербурге в 1823 году и сказал про одного себя покой[ному] государю, ибо не про кого [...]² сказать более имел сил.

3. Наконец я жил в Петербурге у Вяземского³.

И, наконец, одного прошу, рассмотреть мои объяснения: я наказан уже по обстоятельствам более виновных. Представив государю об этом, и прошу одного, отпустить меня — гнев или милость его. Суд найдет меня. Спокойствие жены и семейства от этого зависит.

Полезно запросить Бурцова об устройстве общества, он уличит и всех запирающихся⁴. // (л. 22)

№ 4 (3)

Выписка

Квартир[мейстерской] част[и] подпол[ковник] Руге. Точно был принят Бурцовым до 1821 года, хотя находили затруднение в принятии⁵ его, потому что он иностранец, не родившийся в России и не имеющий собственности, ибо г[осподин] Руге из Норвегии или Дании уроженец.

Баранов жил с Пестелем в Тульчине в одном доме, хотя и г[осподин] Клейн жил тогда же вместе, но принимавши меня, Пестель об Баранове именно сказал мне, что он принадлежит к обществу, // (л. 22 об.) а насчет Клейна, напротив того, советовал об нем никогда не говорить ему. Баранов очень скоро после сего оставил Тульчин, в котором управ тогда еще не было, и я после с ним не видался и не слыхал ничего об нем.

Г[осподи]н Лишин был предложен Охотниковым, но им ли был принят после, наверное не знаю. Полагаю, что Бурцов должен знать больше.

О Каверине (служившем прежде майором в гусарском [...]⁶ полку), при// (л. 23) помнив себе, что он, кажется, в 1820 году был принят⁷, я подал о сем записку г[осподину] военному министру особенно.

Стояновский известен был мне собственно, что он масон, как я и показал об нем.

О Пущине, отставном генерал-майоре и о Липранди я показал по слухам, равно как и об иностранце Фурнье.

Из числа 44-х лиц, мною показанных вообще, 8 лиц, которых я показал, известных мне по слухам только // (л. 23 об.) и требующих точнейшего сведения.

Адрес:

В Москве на Пречистенке в доме Аблязовой будет жить коллежский советник Комаров⁸. // (л. 24)

№ 5 (4)⁹

Всемилостивейший государь!

Просматривая не один раз еще черновое донесение мое с представленного от меня вашему императорскому величеству чрез военного министра и написанное хотя быстро, в одну ночь, по движению души восторженной и успокоенной вашей благостию, но по руководству памяти и совести — светильников всегда надежных к всемогущей истине и которую еще раз обязываюсь подтвердить сим по внимательному рассмотрению.

¹ Одно слово неразборчиво.

² Два слова неразборчиво.

³ Слова «у Вяземского» зачеркнуты и восстановлены.

⁴ Показания написаны Н.И.Комаровым собственноручно.

⁵ Стока от слов «хотя находили...» на полях отчеркнута карандашом.

⁶ В подлиннике пропуск.

⁷ Далее зачеркнуто одно слово.

⁸ Выписка сделана Н.И.Комаровым собственноручно.

⁹ Вверху листа пометы чернилами: «№ 178», «9 января 1826», «К свед[ению]», на полях: «Приобщить к показаниям Комарова», перед этим зачеркнуто: «Отдать к доп[росу]».

Но три обстоятельства внушили мне мысль осмелиться озабочить вас, всемилостивейший государь, письмом сим.

1-е. Чтоб ваше императорское величество из общего изложения моего о ходе общества до уничтожения его в Москве, уничтожения, принятого мною за существенное и несомненное, не заключили б: что я притворно хотел убедить себя самого в справедливости самого действия и поддался на обман по одному только движению собственного // (л. 24 об.) желания оставить общество. Нет! Всемилостивейший государь! Я мог заблуждаться на сей счет, но не обманывать себя добровольно. Я думал и всегда мог бы отстать и прежде в Тульчине, но мне казалось этого недостаточно. Я желал и полагал святым долгом, сколько от меня зависит может, — действовать всеми способами к истреблению корня вообще, а в противном случае обнаружить его.

2-е. Чтоб из поверхностного описания моего не заключили б ваше императорское величество, что я мыслю (допустя даже¹, что уничтожение общества было всеми исполнено откровенно) извинять начальных виновников к изобретению сего зла и распространителей ревностных — нет! Всемилостивейший государь! Они в глазах и в сердце моем столько кажутся преступными, как пагубны их соблазны. Не в их власти истребить сделанные ими несчастные впечатления в умах пылких, не от них уже зависит возвратить нарушенный покой совестям, мгновенно // (л. 25) предавшимся их соблазну, не в их воле и ни в чьей вознаградить мне минуты тягостного страдания, почившего целое трехлетие в душе ослепленной и даже не мыслящей быть совершенно спокойной и после очищения словом покойного государя!

И, наконец, чтоб не помыслили, государь, что я старался облегчить некоторых в описании моем. Я сказал, что знал, что слышал, что помнил; уверен и желаю, чтоб мои слова были поверены с запросами другим и чтоб они приступили к объяснениям с той же чистотой в совести и памятью в рассудке, каковыми угодно всевышнему было внушить меня в представленном донесении моем вашему императорскому величеству.

Прошу вас, всемилостивейший государь, те лица, кои я отметил знаемые по слухам, приказать принять в особую статью замечания, // (л. 25 об.) как требующих точнейшего сведения от других. Да не падут упреки невинных на совесть мою по словам только других.

Всемилостивейший государь, не лишите меня милости и счаствия удостоиться принести в чреде прочих мое искреннейшее поздравление вам на Новый год о благоденствии вашем, государь! Прискорбно, тягостно б было отвергнутым быть, хотя в душе оно равно исполнено будет.

Всемилостивейший государь!
Вашего императорского величества наипреданнейший
верноподданный Николай Комаров²

30 дек[абря] // (л. 26)

№ 6 (5)³

Дополнительная записка.

Со всей доброй волею припомнив с первого раза все подробности, относящиеся до сущности по делу бывшего общества в Тульчине, я позабыл было совершенно упомянуть о бывшем внезапном прибытии в Тульчин г[осподин]а Якушкина⁴, последовавшего в конце осени 1820 года и, кажется, прямо из С[анкт]-П[етер]бурга.

Сколько известно мне сделалось, поводом приезда сего было, сколько могу припомнить:

¹ Слово «даже» вписано над строкой.

² Письмо написано Н.И.Комаровым собственноручно.

³ Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 15 генв[аря]», чернилами: «20 зас[едание]. К свед[ению]». На полях помета карандашом: «О принадлежности к обществу бывшего л[ейб]-г[вардии] в егерском, а потом в пех[отном] принца Вильгельма полку, а ныне находящемся в отставке подполк[овнике] Норове спросить Пестеля».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

1-е. Уведомление чрез него Тульчинскому или Южному¹ обществу, что утверждено в Коренном совете собраться в Москву в продолжение сей зимы для положения об устройстве общества по уважению того, что несогласия, возникшие в продолжение лета в Тульчине и дошедшие до них, заставляют принять удобнейший способ к соглашению мыслей о² преобразовании правил общества.

2-е. Чтоб постараться согласить³ расположение членов к преобразованию и внушить осторожность в сношениях, общих и частных, по почте.

Не знаю и не помню⁴ точно, поехал ли г[осподи]н Якушкин⁵ из Тульчина куданыбудь далее или возвратился в С[анкт]-П[етер]бург, но едва ль он не отправился к Фон-Визину⁶, который был у себя в деревне, и с ним уже, может, прибыл в Москву потом. Но что основательно, что он пробыл в Тульчине у нас с небольшим сутки, и я его видел тогда // (л. 26 об.) в первый раз в жизни моей, по случаю неожиданного собрания, от его приезда последовавшего, у Пестеля⁷, у которого, кажется, он остановился, либо у Бурцова⁸.

Перебирая часто в памяти моей сообщенные мною различные сведения и припоминая себе, где и кого из главных членов общества я в первый раз увидел, я при мысли сей об Якушкине⁹ припамятали сии обстоятельства, хотя неважные по существу своему; но не менее того с воспоминанием об них обязывающие меня довести до сведения и соображения общего. Что вменяю себе в непременный долг всегда сообщать для дополнения того, что я сам знал, что слышал от других и вспомнил по миновании пяти лет.

Обстоятельство сие об назначении собраться в Москву, сообщенное чрез Якушкина¹⁰, заставляло меня думать тогда, как и теперь, что подобная мысль моя по сему¹¹ в разговорах и расприях, продолжавшихся во время лета в Тульчине, могла быть передана в С[анкт]-П[етер]бург и принята: хотя мысль однаакая, но цели и желания¹² были разные ей, ибо я (как имел уже честь объяснить мою) стремился к разрушению общества, тогда как в С[анкт]-П[етер]бурге члены его¹³, вероятно желали и приняли или встретились с этой мыслью в намерении к вящему устройству оного, с чем и был, кажется, предпочтительно прислан Якушкин в Тульчин¹⁴. Могло быть и то, что Фон-Визин¹⁵, который // (л. 27) (после высочайшего смотра в 1820-м году в Умани его полка (38-го егерского), будучи генералом уже и отчисленным по армии), оставаясь долгое время в Тульчине, передал сие предположение о соединении в Москве как от себя, ибо мысль сия ему нравилась, потому, может, больше еще, что он имел зимою постоянно пребывание в Москве, а с Тульчинским обществом, покидая 2-ю армию, должен был расстаться.

Но как бы сие ни объяснялось предположение в отношении к другим¹⁶, оно же в моем смысле было для меня приятнейшее мыслью, ибо вело меня непосредственно к двум путям: или к разрушению, или к обнаруживанию общества. Не скрывая, однако же, что последнее мне было более¹⁷ по силам, чем первое, и едва ль бы¹⁸ последовало б уничтожение без настоятельности М.Ф.Орлова, решившегося также в Москве оставить общество¹⁹ (как я уже объяснял сие).

1 Слова «или Южному» вписаны над строкой.

2 Слово «о» вписано над строкой.

3 Слово «согласить» написано по стертому тексту.

4 Слова «и не помню» вписаны над строкой.

5 Фамилия подчеркнута карандашом.

6 Слова «либо у Бурцова» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «об Якушкине» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «чрез Якушкина» подчеркнуты карандашом.

9 Слова «мысль моя по сему» вписаны над строкой.

10 Слова «и желания» вписаны над строкой.

11 Слово «его» вписано над строкой.

12 Слова «прислан Якушкин в Тульчин» подчеркнуты карандашом.

13 Слова «что Фон-Визин» подчеркнуты карандашом.

14 Далее зачеркнуто: «но».

15 Слово «более» вписано над строкой.

16 Далее стерто одно слово.

17 Две строки от слов «последовало б уничтожение...» подчеркнуты карандашом.

Проходя записку мою¹ о членах, которые принадлежали к обществу и известны мне были по слухам, я припомнил себе на днях о Норове, кажется служившем (а может и служащим еще) в одном из гвардейских пехо[тных] полков (едва ль не егерском)². Я слышал об нем, помнится мне, от Пестеля³. Вменяя долгом себе припомнить, наименовать его, но убедительнейше прошу прежде получить более // (л. 27 об.) надежнейшие сведения (тем паче, что я сам в лицо его не знаю). Избави меня боже сказать понапрасну.

Осмеливаясь сим покорнейше просить принять сии сведения, как новый признак исполнения окончательного моего долга и не повинить меня в забвении их при первом изложении, ускоренным по желанию дать начальные сведения немедленно⁴, не столь подробные как впоследствии, но не менее истинные.

Подполковник Комаров⁵

Генв[аря] 11-го // (л. 28)

№ 7 (6)⁶

Ваше превосходительство!

Запрос, сделанный мне насчет г[осподина] Астафьева, о котором в донесении моем неопределительно было сказано по неизвестности мне, обязывает меня просить покорнейше ваше превосходительство представить на благородование Комитета, высочайше учрежденного, что в подлинном донесении моем показаны две статьи о лицах, мне известных. В первой — мне точно известные как принадлежащие. Во второй — известные только по слухам от других; об таковых особенно я просил вместе с донесением моим особым письмом через г[осподина] дежурного генерала к государю императору, чтоб не основываться собственно на сем, а получить надежнейшие сведения, подобно как и о Норове по последней // (л. 28 об.) записке моей, и умоляю еще раз принять сие во уважение. Сколь ни желательно было бы мне пропустить кого-нибудь, а еще прискорбнее было бы обнести неосновательно. Но если имел несчастие от неизвестности быть причиной неудовольствия, сделанного одному Астафьеву вместо другого, я не от намерения, а от неизвестности действовать в моем показании.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший к услугам.

Николай Комаров⁷

20 ген[варя] // (л. 29)

№ 8 (7)

Выписка из докладной записки Комитета
о LVI заседании 11 февраля 1826

5) Генерал-адъютант Левашов объявил, что подполковник Комаров просит до-зволения возвратиться в Москву к семейству своему. Положили: по неимению более надобности в присутствии его здесь ни для открытий, ни для улик, испро-сить высочайшего соизволения на просьбу его и повеление дать ему атtestат.

На одной записке собственно его императорского величества рукою написа-но: «Дозволить».

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

P.S. В декабре 1825 г[ода] Комаров вызван был по высочайшему повелению из Москвы не арестованым и здесь не находился под арестом, а велено ему было не отлучаться вперед до повеления.

1 Слово «мою» вписано над строкой.

2 Слова «(едва ль не егерском)» вписаны над строкой.

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Слово «немедленно» написано по стертому тексту.

5 Плаказания написаны Н.И.Комаровым собственноручно.

6 Вверху листа пометы чернилами: «23 генваря». «К свед[ению]».

7 Письмо написано Н.И.Комаровым собственноручно.

Имя Николая Ивановича Комарова — члена Союза благоденствия, стало известно следственному Комитету на первом заседании Комитета 17 декабря 1825 г. В этот день был зачитан доклад И.И.Дибича от 14 декабря 1825 г. с результатами начального расследования о тайном обществе. В докладе цитировались строки доноса А.И.Майбороды. Среди «отклонившихся» от общества он назвал квартирмейстерской части полковника Комарова, подчеркнув, что Комаров, вероятно, не отказался бы «в открытии дальнейших сведений». В докладе указывалось также местонахождение Комарова⁷. На основании доклада Дибича Комитет предложил «вытребовать отклонившихся от сего общества полковых командиров... Бурцова..., Аврамова... и квартирмейстерской части подполковника Комарова»⁸. На следующий день поступила «высочайшая резолюция» — «вытребовать сюда»⁹. 19 декабря Комаров прибыл в Москву не арестованным. Во время следствия арестован не был. Ему было велено лишь «не отлучаться впредь до повеления» (док. № 8/7). В то же время, как известно, генералы А.И.Чернышев и П.Д.Киселев проводили начальное расследование в Тульчине. 22 декабря при допросе Майбороды, они обратились к нему с вопросом, точно ли Комаров давно отошел от общества и уверен ли Майборода, что Комаров подтвердит его показание. Майборода отвечал, что об оставлении Комаровым общества он узнал от Пестеля, что он надеется на участие Комарова в расследовании, но полностью не уверен¹⁰.

Показания о тайном обществе, которые Комаров начал вскоре давать, по существу представляли собой доносы на руководителей Южного общества, главным образом на Пестеля. Это отмечали и сами декабристы, назвавшие его впоследствии доносчиком, «человеком не совсем чистых правил», которому еще в 1821 г. — «не очень доверяли»¹¹.

¹ ВД. Т. XVI. С. 170.

² ВД. Т. XVI. С. 217.

³ ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 15.

⁴ ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 10—11 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 17.

⁶ ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 22. Текст «аттестата» см. в комментариях к делу Ф.Ф.Гагарина.

⁷ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I. С. 242; см. также: ВД. Т. IV. С. 9; Т. XVI. С. 27.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 27.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 30.

¹⁰ ВД. Т. IV. С. 24, 25, 39.

¹¹ Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 365; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 61; Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 114.

Первые показания по приезде в Петербург из Москвы Комаров сделал 27 декабря, вероятно, сразу после разговора с царем. Он пытался показать деятельность тайного общества в Тульчине до 1821 г. и созыв Московского съезда, приведшего к ликвидации Союза благоденствия. Показания полны обвинений Пестеля, представленного Комаровым главным вдохновителем тульчинской организации, ее наиболее радикальным членом. Описывая Московский съезд, Комаров приписал себе главную роль в ликвидации Союза благоденствия, что далеко не соответствовало действительности. Комаров не был полностью информирован о содержании прений на съезде, ибо как свидетельствовали впоследствии декабристы, он не был допущен на основные заседания как «некоренной» член, а также потому, что он не пользовался доверием многих¹.

В Москве Комаров сознательно был приглашен на заседание, где объявлялось об уничтожении Союза благоденствия, но о принятом решении возобновить деятельность тайного общества, он не знал. В показаниях Комаров убеждал следователей, что он не был осведомлен о продолжении общества, однако, как показали последующие допросы декабристов, он, вероятно, предполагал существование тайного общества после 1821 г., если не был в этом уверен. В заключении показаний Комаров, сознавая всю неблаговидность роли доносчика, просил покровительства Николая I при возможной мести со стороны родных и друзей обвиненных им членов тайного общества (док. № 2/1). Действительно, показания Комарова были важным источником сведений для следователей. 29 декабря, заслушав «изложение» Комарова, Комитет принял решение: «список о показанных... лицах сообразить с сведениями, имеющимися в Комитете и о истребовании тех, кои вновь окажутся, составить докладную записку для представления государю императору»².

Через несколько дней Комаров, воспользовавшись заданным ему вопросом о необходимости давать расписки при вступлении в общество, подал в Комитет новые показания. Они были выдержаны в стиле предыдущего донесения и почти не содержали новых сведений, за исключением подробностей спора, возникшего на Московском съезде (док. № 3/2). 3 января Комитет читал это «дополнение Комарова к изложению его о начале и ходе тайного общества, причем он объяснял невинность свою и присовокупил, что более сказанного им ничего показать не может. Положили: присоединить к прежнему его изложению и иметь в виду при допросах в особенности членов Южного общества и бывших на съезде в Москве»³. Комаров представил также в Комитет отдельную выписку о некоторых членах Союза благоденствия (док. № 4/3).

30 декабря Комаров обратился с письмом к Николаю I, где вновь пытался объяснить свои действия по отношению к тайному обществу стремлением «действовать всеми способами к истреблению корня вообще, а в противном случае обнаружить его» (док. № 5/4).

11 января последовала «дополнительная записка» Комарова, где он сообщил подробности приезда Якушкина в 1820 г. в Тульчин с приглашением на Московский съезд. Он также сообщил об участии в тайном обществе В.С.Норова, и Комитет принял решение провести о нем расследование (док. № 6/5)⁴.

Последний документ, принадлежащий Комарову в его деле, — небольшое письмо к Левашову с разъяснением своих предыдущих показаний об участии в тайном обществе разных лиц.

11 февраля на заседании Следственного комитета Левашов объявил, что «подпольковник Комаров просит дозволяния возвратиться в Москву к семейству своему». Было решено: «по неимению более надобности в присутствии его здесь ни для открытий, ни для улик испросить высочайшее соизволение на просьбу его и повеления дать ему аттестат»⁵.

«По высочайшему повелению» Комаров был отпущен с оправдательным аттестатом, который получил 15 февраля 1826 г.⁶

Имя Комарова часто упоминается в следственных делах декабристов, особенно в «выписках показаний» о том или ином участнике тайного общества — то есть из его показаний черпался обширный обвинительный материал.

1 Волконский С.Г. Указ. соч. С. 411; Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 114, 116.

2 ВД. Т. XVI. С. 41.

3 ВД. Т. XVI. С. 46.

4 ВД. Т. XVI. С. 60.

5 ВД. Т. XVI. С. 96.

6 ГАРФ. Ф. 48. Д. 32. Л. 61.

С другой стороны, в материалах следствия имеются многочисленные высказывания о самом Комарове и его деятельности как участника тайного общества. Членом Союза благоденствия называют его Пестель, Бурцов, Н.Крюков, Юшневский, Волконский, А.Крюков, Аврамов, Ивашев, Басаргин, Бобрищев-Пушкин, Якушкин, Майборода. «Уклонившимся» от общества он проходит в делах Юшневского, Волконского, Барятинского, Бурцова, Вольфа, Крюкова, Ивашева, в доносе Майбороды.

Из материалов дела Бурцова (показание от 15 января) следует, что Комаров, отойдя от общества, тем не менее не терял из виду его членов и наблюдал за ними. Так, в январе 1824 г. он сообщил Бурцову в Киеве, что у Пестеля тесные связи с Давыдовыми, молодыми Раевскими, Бестужевым. Комаров информировал Бурцова о существовании польского тайного общества. Бурцов также показал, что в Тульчинской управе Союза благоденствия Комаров имел большое влияние¹. В мартовских показаниях В.Ф.Раевского содержался рассказ о приеме его в 1819 г. в тайное общество Комаровым. От него Раевский впервые узнал о существовании общества².

Пестель в ответах на вопросы от 8 апреля сообщил, что вернувшись из Петербурга в 1820 г., он передал тульчинским членам, в том числе и Комарову, решение Коренного совета ввести республиканское правление. Никто из членов этому не противоречил, заметил Пестель, кроме Бурцова³.

Все эти сведения, обвинявшие в определенной степени Комарова, игнорировались Следственным комитетом. Дознание о самом Комарове и его участии в тайном обществе не велось. Лишь одним показанием, связанным с Комаровым, заинтересовались следователи. 18 января Волконский показал, что первую мысль Тульчинской управе о существовании тайного общества в Кавказском корпусе дали разговоры на этот счет между Комаровым и Ивашевым⁴. Следственный комитет в это время уже проводил специальное расследование о существовании тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе и, исходя из показаний Волконского задал вопросы некоторым декабристам⁵. Однако 16 февраля 1826 г., согласно записи в журнале заседаний Следственного комитета Кавказское общество считалось несуществующим по воле Николая I, не желающего проводить дальнейшее расследование по этому вопросу⁶.

Фрагменты следственного дела Комарова публиковались М.В.Довнар-Запольским в книге «Мемуары декабристов»⁷.

Следственное дело Н.И.Комарова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 213. По современной нумерации в деле 30 листов. Сохранилась также нумерация, проставленная А.А.Ивановским при формировании дела. Согласно ей в деле было 29 листов. Документ № 1 не был пронумерован А.А.Ивановским.

О следственном деле П.И.Колошина

Имя члена Союза спасения и Союза благоденствия, сотрудника Министерства финансов Петра Ивановича Колошина (старшего) стало известно в начале следствия. В одном из первых допросов (снятых до 19 декабря 1825 г.) Трубецкой назвал братьев Колошиных в числе членов Союза благоденствия; 23 декабря, составляя большой список членов тайного общества, Трубецкой отметил: «Петр и Павел Колошины — оба отстали»⁸. 25 декабря был дан приказ об аресте Колошина⁹. Он был тотчас арестован и допрошен Левашовым в присутствии Николая I. Затем по распоряжению царя освобожден (док. № 4/3). Бумаги, взятые при аресте Колошина, были ему возвращены¹⁰.

Колошин — старейший член тайного общества, один из авторов «Зеленой книги» на допросе представил ранние декабристские организации литературными просветительскими организациями. Он заявил, что покинул общество в 1820 г. (док. № 2/1).

1 Наст. том. Д. 95 (И.Г.Бурцова). Док. № 5/4.

2 Наст. том. Д. 149 (В.Ф.Раевского). Док. № 18/19, 19/20

3 ВД. Т. IV. С. 177.

4 ВД. Т. X. С. 123.

5 ВД. Т. XII. С. 162, 255, 263; Т. XIII. С. 101.

6 ВД. Т. XIX. С. 367—375, 484.

7 Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 27—46.

8 ВД. Т. I. С. 9, 30.

9 ВД. Т. XVI. С. 35. Таким образом Колошин ошибался, говоря, что его допросили 24 декабря (док. № 4/3).

10 ВД. Т. XVI. С. 45.